

Л. Ф. Евменов,
член-корреспондент НАН Беларуси

Международная идеология прав человека - насуущные проблемы развития

Резолюция декларация прав человека, принятая и провозглашенная Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., систематизировала и сформировала основы прав человека, наработанные в процессе предшествующего развития человеческого общества. Она дала мощный импульс дальнейшего развития международному правочеловеческому мышлению и правозащитной деятельности.

Однако многие фундаментальные проблемы идеологии, а соответственно и практики международной правозащитной деятельности, остаются и донныне на уровне Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

Я предлагаю вниманию уважаемой конференции беглый анализ проблемы *принципов прав человека*.

В документах Международной встречи по правам человека в Страсбурге (1993 г.) речь идет о принципах *универсальности, неделимости и солидарности* прав человека. Но что есть *принцип*? Античная философия рассматривала принцип как понятие, выражающее *необходимость* или *закон* явления. По нашему мнению, принцип прав человека - это понятие, которое отражает один из «узлов» глубинной сущности прав человека как объективного явления и как объективного процесса. А глубинная сущность - это всегда такое нечто, которое является диалектическим противоречием, единством противоположностей или различий, внутренней движущей силой процессов.

Действительно. Нечто «универсальное» (общее, всеобщее) как реальное объективное явление, как реальный объективный процесс не существует вне неуниверсального (особенного или единичного). Скажем, право на труд, на свободный выбор работы, на благоприятные условия труда, на защиту от безработицы (ст. 6, 7 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). Они универсальны как права рода человеческого на деятельность, но они неуниверсальны как реальное объективное проявление: Соединенные Штаты Америки, Бразилия, Конго, современная Беларусь - социально-экономический ряд, подтверждающий данную постановку вопроса.

Или, скажем, *универсальность* права на свободу мысли и слова. Оно универсально по истоку, по назначению, по цели, как право рода, как право по рождению, как право по сущности человека - частицы единения духа и социальной материи. Но оно не может быть универсальным по содержанию, по проявлению, по условиям обеспечения, по уровню, наконец, законодательной кодификации и степени реализации. Скажем, в современной Франции и сегодняшней Беларуси, Право на свободу мысли и слова, как любое иное право человека и гражданина, *в различных измерениях бытия различно*.

Ярчайшим свидетельством практической неуниверсальности прав человека, кодифицированных в международных пактах и конвенциях, является факт неуниверсальности и различия их ратификации многими государствами, входящими в состав ООН. Точнее говоря - факт их нератификации многими государствами сообщества наций или ратификации с многочисленными оговорками. В том числе и теми государствами, которые больше всех и громче всех прокламируют принцип универсальности прав человека. Соединенными Штатами Америки, например. Не говоря уже о массовом неисполнении ратифицированных документов в национальной политике и юриспруденции многими государствами системы ООН. В том числе и Республикой Беларусь.

Таким образом, по нашему мнению, следует вести речь о том, что принципом прав человека является не единичная категория *универсальности*, а единство *универсальности и различия*. В счастливых для индивидуума вариантах - *единство, доходящее до тождества универсальности и различия*, в иных - до противоположения, стремящегося к разрыву их разумного единения и гипертрофии каждой из его сторон. Именно тогда, когда единство универсальности и различия прав человека на свободу мысли и слова разорваны и какая-то из его сторон гипертрофирована, в обществе, как правило, возникают региональные или национальные деспотические режимы с единой общеобязательной идеологией, тиранической системой мышления, ущербной политической моралью и правом тоталитарно—авторитарного государства. Режимы то ли имперского характера с единой для всех в сфере геополитического влияния американской или, скажем, русской или любой иной этнополитической идеей. То ли этнического характера с единой иранской, или ливийской, или израильской, или казахской, или туркменской национально-государственной идеей и идеологией. Как правило, такие режимы

или в общепланетарном, или в региональном или национальном масштабах решительно идут к подавлению вместе со свободой мысли и слова всех иных, разновидностей экономической, политической, эстетической, религиозной и других свобод.

Именно здесь, в поле деформаций диалектической связи, баланса *универсальное - различное, всеобщее (общее) - особенное* лежат теоретико-методологические корни лицемерия и произвола в геополитике, «двойных стандартов» в области прав человека. Истоком этих деформаций являются ситуации, когда гипертрофированное особенное, различное выдается за универсальное, общее (всеобщее), когда такое ложно универсальное, общее (всеобщее) выдается за истинно за истинно универсальное, общее (всеобщее).

То же с понятием *неделимость*. Нечто «неделимое» (т. е. единое, целое) не существует вне и без «делимого» (автономного, отличного от целого).

Кто не согласится с утверждением, что право человека на труд, право на достаточный жизненный уровень для него самого и его семьи, право каждого человека на свободу от голода (ст. 6, 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах) есть единое *нечто*, состоящее в данном случае из трех практически неделимых и неразрывных элементов?

Но вместе с тем, в определенных социальных стратах, в определенных социально-экономических измерениях и ситуациях данное триединство бывает разорванным, *делимым*. Скажем, в сегодняшней Республике Беларусь: формально удовлетворительное гарантирование и реализация права на труд во многих случаях не ведет к столь же удовлетворительной, не говоря уже о высокой, степени реализации прав человека на достаточный жизненный уровень и свободу от голода.

Таким образом, принцип прав человека выражается в данном случае и во всех иных случаях не единичной категорией *неделимость*, а биполярной, сдвоенной категорией *неделимость и делимость*.

Во Всеобщей декларации и Международных пактах о правах человека утверждается, что права человека «равны и неотчуждаемы» (неотъемлемы). Думается, что этой фразой Декларация и Пакты подводят нас еще к одной паре принципов прав человека.

Что касается *равенства* прав человека как понятия, то оно, по нашему мнению, в рамках принципа также не существует без

своего антипода - *неравенства*. Возьмем, например, экономические права государства и экономические права человека, гражданина. Принцип *равенства и неравенства* как отражение диалектического единства этих двух сторон, означает в данном случае, что в нормальных условиях здорового демократического общества эти очень неравные права должны быть сбалансированы, уравновешены. Они должны находиться в состоянии диалектического равновесия. Однако на практике, особенно в условиях тоталитарных или околототалитарных режимов торжествует состояние неравенства в отношениях этих двух видов прав. Неравенство, возникающее, скажем, при ограничениях со стороны государства прав человека на частную собственность и частное предпринимательство, наряду с гипертрофией своих собственных прав в этой же области. Ситуация, кстати, весьма характерная для нынешней Республик Беларусь: права частного лица и даже группы лиц на развитие частнособственнических отношений резко ограничиваются, тогда как само государство, становясь монопольным собственником всего и вся, все глубже погружается в сферу капиталистических частнособственнических отношений.

Только в диалектической связке принципа *равенство-неравенство* просматривается движение всякого реального правочеловеческого процесса, общее направление развития общества. В случае с приведенным примером - направление реформирования: от общества, шедшего к экономической демократии, к обществу государственного экономического тоталитаризма.

Из всего сказанного следуют выводы: речь необходимо вести не о принципе *универсальности* прав человека как таковом, а о принципе *универсальности и различия*. Речь следует вести не о принципе *неделимости*, но о принципе *неделимости и делимости (автономности)* прав человека. Речь нужно вести не о трех принципах (универсальность, неделимость, солидарность), а, по крайней мере, о принципах *универсальности и различия, неделимости и делимости (автономности), неотчуждаемости и отчуждаемости, равенства и неравенства* прав человека. При этом учитывая, что данные принципы распадаются как принципы, если ликвидируется их внутренняя противоречивость и парная или более категориальность. Ибо нет, не бывает прав без обязанностей, а обязанностей хотя бы без какого-то минимума прав, прав

человека без обязанностей государства, прав государства без обязанностей человека и т. п.

Однозначные, одномерные категории *универсальность, неделимость, неотчуждаемость, равенство* не могут быть принципами социального явления, называемого «права человека». Как единичные эти категории могут выступать в качестве того, к чему с обществом наций должно стремиться, т. е. как *императивы* прав человека. Только в качестве императивов эти однозначные категории не будут чем-то мертвым, неподвижным, нежизненным. Только как императивы, т. е. как *безусловные нравственные требования буквы и духа прав человека*, они могут быть действительными и активными. Не случайно многие предшественники, особенно Иммануил Кант, определяли императив как моральное предписание, как моральное повеление.

В плане высказанных идей вызывает вопросы не только односторонний метафизический подход в трактовке принципов прав человека, но и тот разнобой в их определении, который имеет место в нынешней международной идеологии прав человека.